

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052

Н. Н. Тарусина*

Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом¹

Аннотация. В статье предлагаются размышления о предпосылках формирования, содержания, видах, способах обеспечения и охраны традиционных семейных ценностей, получивших закрепление на конституционно-правовом уровне — с последующим воплощением в началах семейного законодательства, а также в его ключевых институтах и конструкциях — брака, семьи, родительства, детства. Внутри каждого из них фиксируются пробелы, отношения с невысокой степенью урегулированности, а также решения, не отвечающие смыслу новейших конституционных поправок. Дается оценка типичным и нетипичным доктринальным подходам к видовому разнообразию значимых семейных ценностей, в частности идее о вспомогательных (периферийных) элементах, в том числе находящихся в «серой зоне». Особое внимание уделяется соответствию нормативно-правовой конструкции брака и родственного с ним семейного союза (фактического супружества), родительства, статуса ребенка. Последний, с учетом конституционного положения о необходимости воспитания в детях уважения к старшим, явным образом требует дополнения своего содержания элементами их семейно-правового должностования (обязанностей). Высказывается предположение о необходимости возврата к идее судебной специализации по семейным делам — на основе актуализации внимания к проблемам семьи, установки государства на системную охрану и защиту ее интересов. В работе рассматривается проблематика реализации принципа автономии семьи, защиты ее суверенности от произвольного вмешательства, обеспечения возможности саморегулирования, а также подчеркивается необходимость соблюдения гармонии между самостоятельностью семейного союза и публичным контролем (профилактикой девиантного развития семьи и реагированием на разрушающие ее факторы и действия).

Ключевые слова: семейные ценности; традиция; конституционные поправки; семейный закон; пробелы; варианты супружества; ответственное родительство; пассионарность статуса ребенка; судебная специализация.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1. — С. 33–52. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.

Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New²

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, Demidov Yaroslavl State University; Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The paper analyzes prerequisites for the formation, content, types, methods of ensuring and protecting traditional family values that have been consolidated at the constitutional level with their subsequent implementation in the principles of family legislation, as well as in its key institutions and structures, namely:

¹ Финансирование: инициативный проект ЯрГУ VIP-014.

² Financing: initiative project of YarSU VIP-014.

© Тарусина Н. Н., 2023

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

marriage, family, parenthood, childhood. Within each of them, the author determines gaps, unsettled relations, as well as decisions that do not meet the meaning of the latest constitutional amendments. The paper provides an assessment of typical and atypical doctrinal approaches to the diversity of significant family values, in particular the idea of auxiliary (peripheral) elements, including elements that are located in the «gray zone». Particular attention is paid to the compliance of the normative-legal structure of marriage and the family union related to it (actual marriage), parenthood, and the status of the child. The latter, taking into account the constitutional provision on the need to educate children in respect for elders, explicitly requires the addition of its content with elements of their duty (duties) under family law. It is suggested that there is a need to return to the idea of judicial specialization in family cases based on the actualization of attention to family problems, the state's attitude to system protection and protection of its interests. The paper examines the problems of implementing the principle of family autonomy, protecting its sovereignty from arbitrary interference, ensuring the possibility of self-regulation, and emphasizes the need to maintain harmony between the independence of the family union and public control (prevention of deviant family development and response to factors and actions that destroy it).

Keywords: family values; tradition; constitutional amendments; family law; gaps; marriage options; responsible parenthood; passionarity of the child's status; judicial specialization.

Cite as: Tarusina NN. Semeynye tsennosti pod egidoy prava: novoe v traditsii i traditsiya v novom [Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New]. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052. (In Russ., abstract in Eng.).

Для размышления о сущностных и количественных характеристиках семейных ценностей как объекте правового признания и одновременно энергетическом потенциале воздействия на современное законодательство (от конституционного до семейного и смежного с ним) необходимо зафиксировать несколько идей в качестве общих предпосылок исследования конструкции прав человека — в рамках ценностного к ним подхода, в том числе и права на семейную жизнь (в широком истолковании), относящегося к числу базовых и долженствующего содержательно следовать ценностным ориентирам.

Первая предпосылка. На обыденном уровне к ценностям относится все то, что работает на нас; на уровне доктринальном — материальные и духовные компоненты внутреннего и внешнего мира, обладающие положительным зарядом и значением для жизнедеятельности человека³. Воззрение о них формируется персонифицированной личностью, коллективным субъектом (различного масштаба — от малой

социальной группы до гражданского общества, государства и их объединений, цивилизационной общности). Закрепление ценностных конструктов осуществляется обычаями (обыкновениями), этическими нормами, нормативно-правовыми предписаниями, актами правоприменения (в первую очередь — решениями высших судов).

Вторая. Современные ценностные ориентиры существенно меняют свой вектор — посредством перехода от моноцивилизационной модели западного образца (претендовавшего и упорно продолжающего претендовать на общечеловеческий «замах» универсальности и обязательности) к многоцивилизационным моделям, выработанным и развивающимся за пределами территории и мировоззрения означенного самопровозглашенного идеологического «гегемона», — к традиционным и обновленным проектам арабского, индийского, китайского, российского мира и др.⁴

При этом следует заметить, что в российской доктрине, до конституционных поправок

³ См., например: Лазарев В. В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 13.

⁴ Подробно об этом см., например: Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностные измерения. М.: Инфра-М, 2009. С. 128, 137, 151; Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 28; Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–404; Лукьянова В. Ю. Новый концепт соразмерности и универсальности национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 55–58.

На пресс-конференции по случаю открытия чемпионата мира по футболу — 2022 в Катаре президент ФИФА Дж. Инфантино заявил: «Печально то, что, особенно в последние недели, в некоторых местах

2020 г. и обострения отношений с означенным «гегемоном», коррекционный противояд идее универсальности конструкции прав человека на основе ее западной версии и соответствующим технологиям «принудительного осчастливливания» выстраивался довольно осторожно. Российские законодательство, юридическая политика и доктрина, социальные практики преимущественно следовали в кильватере этого «осчастливливания», отдавая приоритет конвенционному праву, с избыточной аккуратностью сопротивляясь правовым позициям ЕСПЧ⁵, смягчая, по возможности, их явную коллизийность с российской нормативистикой⁶.

Третья. На основе означенного многоцивилизационного подхода, в рамках поиска «собственной социокультурной, национальной и конституционной идентичности», государства, в том числе российское, формируют новые (обновленные) «оригинальные концепты соразмерности универсальных и национальных ценностей»⁷, не отрицая первые, сохраняя и развивая вторые.

Четвертая. В конституционно-правовом пространстве таковые объединяются, с опре-

деленной долей условности (как и большинство классификаций), в группы: государственно-правовые и социально-политические ценности; ценности общественного, в том числе социально-экономического, развития; социокультурные и духовные ценности российского народа, в том числе в сфере семейных отношений⁸.

Пятая. Коль скоро рассматриваемому явлению вернули (как особо значимую) характеристику «традиционные», всплывает и потребность ее истолкования. На уровне словаря под традицией понимаются исторически сложившиеся и наследуемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, образ действий, взгляды, вкусы и т.п.; «ценность» же трактуется через «важность, значение», на что мы уже обратили внимание ранее⁹. Это, в принципе, соотносимо с доктринальным и юридическим толкованием рассматриваемой конструкции. Однако некоторые ее характеристики всё же нуждаются в определенном уточнении¹⁰. В частности, возникают вопросы о переходе во времени означенных положений из качества «новодела» в качество устойчивого и признанного обычкновения и о последующем сохранении этого статуса. Видимо,

мы получили настоящий урок морали, двойных моральных стандартов. Нам говорят, что мы должны извлечь много уроков западного мира. Я сам европеец. Я думаю, что за то, что мы, европейцы, делали в течение 3 000 лет по всему миру, мы должны извиняться следующие 3 000 лет, прежде чем начинать давать моральные уроки другим людям» (см.: Кошкин А. Инфантино обвинил европейские страны в лицемерии из-за критики Катара // URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2022/11/19/951172-infantino-obvinil-evropeiskie-strani-iz-za-kritiki-katara?ysclid=latldd4z84627838008> (дата обращения: 23.11.2022)).

⁵ За некоторыми исключениями, среди которых наиболее ярко высвечивают акты «сопротивления» (дела по жалобам К. Маркина, «Юкоса» и др.), которые, среди прочего, явились предтечей известного изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в 2015 г. Подробно об этом см.: Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 1. С. 67–69.

⁶ В частности, подчеркивалось, что ЕСПЧ периодически посылает государствам сигнал-предупреждение «против толкования государственного суверенитета как “абсолютной франшизы” от любой ответственности за нарушения прав человека». См.: Ковлер А. И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 86. См. также: Ковлер А. И. Слухи об остром конфликте ЕСПЧ и КС РФ, мягко говоря, преувеличены // Закон. 2012. № 2. С. 8–13; Князев С. Д. Не переступить тонкую грань, которая отделяет толкование закона от его пополнения новыми правилами // Закон. 2017. № 10. С. 6–19.

⁷ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 8.

⁸ См.: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального. С. 11.

⁹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 795, 861.

¹⁰ См.: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 145.

ответы следует искать в философской и исторической доктринах, этических воззрениях большинства членов общества, законодательных и правоприменительных композициях соответствующего периода — в их системном взаимодействии между собой. Но следует также учитывать и то, что позиция большинства (и доктринального, и общественного) может явным (в том числе официальным) образом себя не проявлять, так как периодически подвергается «задавливанию» со стороны представителей государственных структур и аффилированных к ним средств массовой информации и иных институтов. (Ярким примером подобного рода явились протесты миллионов французов по вопросу нормативного признания однополых браков, доминирование идей в информационном пространстве о необходимости особого попечения над ними — в противовес классике отношений.)

В доктрине предлагается также ранжировать традиционные ценности на «ядерные» и «периферийные» (второстепенные). Первые составляют основу правопорядка, формируют букву и дух закона (прежде всего — конституционного), поддерживаются и стимулируются всей системой права, находят признание большей части гражданского общества, обеспечивают защиту культурно-цивилизационного кода суверенного национального государства, противодействуют проникновению в его идеологическое пространство деструктивных идей¹¹. Вторые отражают устои отдельных, пусть и больших, социальных групп и могут находиться, относительно норм права, в нейтральной, «серой» или даже запретной зонах¹². (Со второй частью тезиса мы не согласны, на чем остановимся позднее.)

Что касается конституционно-правовой ценностной «картины», то приходится констатировать ее некоторую фрагментарность, обусловленную, прежде всего, избранной технологией конституционных поправок, что продолжает обсуждаться в доктрине, в том числе с надеждой

на неизбежную разработку и принятие новой Конституции РФ¹³, в которой, наряду с другими решениями, упомянутая фрагментарность должна быть преодолена, особенно в части содержания главы второй о правах и свободах человека и об их ограничении.

Следует заметить, что, кроме конституционно-правового закрепления, конструкция традиционных («ядерных») ценностей воспроизведена и в соответствующем Указе Президента РФ¹⁴ — в качестве передаваемых из поколения в поколения российских граждан самобытных духовно-нравственных ориентиров, формирующих общероссийскую гражданскую идентичность и культурное пространство, с учетом многонациональной структуры общества; к таковым относятся патриотизм, нравственные идеалы, созидательный труд, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, служение Отечеству, историческая память, единство народов, крепкая семья¹⁵.

Традиционные семейные ценности в высоком смысле вбирают в себя, в той или иной степени непосредственного содержательного присутствия, все обозначенные компоненты. Это обусловлено прежде всего тем, что функционирование семьи (первичной ячейки общества), включая взаимоотношения ее членов и особенно — воспитание детей, не только находится в системе жизнедеятельности общества в целом, но и базово ее обеспечивает.

Термин «семейные ценности» в узком контексте свою первоначальную «прописку» получил в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁶, где в норме п. 4 ст. 5 к запрещенной для детей отнесена информация, «отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи». На конституционно-правовом уровне они, будучи элементом духовно-нравственного ценностного ряда,

¹¹ *Галяшина Е. И., Богатырев К. М.* Указ. соч. С. 147.

¹² *Галяшина Е. И., Богатырев К. М.* Указ. соч. С. 148.

¹³ См., например: *Клеандров М. И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // *Государство и право.* 2022. № 1. С. 7–18; № 3. С. 7–18.

¹⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *СЗ РФ.* 2022. № 46. Ст. 7977.

¹⁵ Тексты ст. 4 и 5 Указа предложены в свободном изложении.

¹⁶ *СЗ РФ.* 2011. № 1. Ст. 48.

с различной степенью конкретизации, но без системного заявления сущностного порядка¹⁷, фиксированы в нормах о поддержке семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7), равенстве прав мужчины и женщины (ч. 3 ст. 19), неприкосновенности личной и семейной тайны (ст. 23), праве на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения (ч. 2 ст. 26), свободе слова, мнения, информации (ст. 29), государственной защите материнства и детства, равенстве родительских статусов, обязанности трудоспособных детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях (ст. 38); декларации о защите отцовства (закреплена только в конституционной поправке к ст. 72 — притом что его поддержка, без «защитного» акцента, всё же обозначена в упомянутой ст. 7¹⁸), о праве на образование (ст. 43), свободе творчества и обязанности сохранять историческое и культурное наследие (ст. 44), судебной защите и юридической помощи (ст. 45, 46), ограничениях прав и свобод (ст. 55), обязанности беречь природу (ст. 58), детях как объектом приоритете государственной политики, создании условий для их всестороннего развития, воспитании в них уважения к старшим (ст. 67.1), защите институтов брака как союза мужчины и женщины и семейного воспитания (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72).

При наложении означенной конституционной «кальки» (в системе с акцентами из упомянутого Указа Президента РФ) на «ткань» семейного законодательства и практики его применения данные положения либо воспроизводятся с небольшой корректировкой, либо конкретизируются в отраслевых, семейно-правовых и смежных с ними спецификациях.

Методология ценностного подхода к явлениям с семейным элементом, во-первых, предполагает разработку и внедрение в закон основных идей (принципов, начал), на исходной базе которых выстраивается (или должна выстраиваться) конкретная нормативистика. Во-вторых, проектирует понятийный аппарат, призванный отражать соответствующие базисные идеи. В-третьих, дает импульс для формирования институциональных компонентов. В-четвертых, ориентирует правоприменителя, наряду с формально-юридическими задачами по обнаружению для каждой конкретной ситуации (или категории ситуаций, если речь идет о Верховном Суде РФ в рамках полномочий по обобщению практики) юридических стандартов ее квалификации, на принятие решений в рамках административного или судебного усмотрения, поскольку именно последнее и позволяет реализовывать спроектированные на конституционном и отраслевом уровнях ценностные модели-регуляторы¹⁹.

Несмотря на то что качественные и количественные характеристики традиционных семейных ценностей, как мы отметили ранее, заложены на конституционном уровне, в доктрине подходы к ним не отличаются системностью. То, что в качестве родового понятия избираются «основы семейной жизни»²⁰, «регуляторы семейных отношений, источники принципов семейного законодательства, элементы содержания правовых норм, критерии практики разрешения семейных дел»²¹ и т.д., может быть принято — во всем своем многообразии, так как регуляторная функция рассматриваемой конструкции, действительно, многопланова.

¹⁷ Речь идет не о необходимости концентрации всех идей, так или иначе посвященных семейным отношениям или отношениям с семейным элементом, в специальном блоке (это как раз невозможно ввиду распространенности большинства положений и на другие виды общественных связей), а о сосредоточении их в гл. 2 Конституции РФ (очевидно, что упоминание о семейных ценностях в ст. 67.1 и 72 — «территориально» вынужденное).

¹⁸ По этому поводу можно даже «поспекулировать» на правоприменительном уровне: так называемая фактическая презумпция преимущественного права матери на оставление у нее малолетнего ребенка не только напрямую обусловлена соответствующим решением Природы, а также рекомендациями Декларации прав ребенка 1959 г. (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959), но и конституционными «предпочтениями», существовавшими до 2020 г.

¹⁹ См., например: Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 5. С. 40–48.

²⁰ См.: Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6.

²¹ См.: Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 18–19.

Однако их перечень с точки зрения как наполнения, так и моделирования внешней формы выражения, либо страдает эклектичностью, пусть и не ярко выраженной, либо неполнотой. Так, некоторые авторы заходят в проблему не с позиции базовых положений конституционного уровня, а опираясь на конвенционные стандарты, — в контексте набора самих правовых возможностей: права на охрану и защиту частной и семейной жизни, знать о своем происхождении, на свободу вступления в брак и его прекращения и т.п.²² Между тем такой подход понятийно неточен, избыточно универсален и нейтрален к нетрадиционным семейным ценностям, что далее и сущностно, и формально позволяет из нейтралитета перейти в нормативно-правовую (и, что еще более очевидно, — правоприменительную) агрессию с известными акцентами²³. До 2020 г. российская семейно-правовая доктрина находилась на «лезвии означенной бритвы». В настоящее время начался обратный отсчет, что требует корректировки и заполнения пробелов семейного и смежного законодательства и практики его применения.

Среди заявленных традиционных семейных ценностей исследователями данного феномена называются: брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство, детство; забота о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе нравственных начал; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений²⁴. Полагаем, что соответствующие конституционные поправки, действующие положения СК РФ о началах семейного законодательства и новейшие законопроектные предположения, толкуемые в системе между собой, выводят нас на ряд уточнений.

Так, считаем избыточным указание на добровольность супружеского союза, так как если мы фиксируем свободу его волеизъявления, надо заявлять и о других его существенных признаках. Однако это составляет конкретную отраслевую задачу. Во-вторых, семья как субъект²⁵ и объект правового регулирования может быть и западного образца (с родителем-1 и 2, даже 3), поэтому терминологически (и сущностно) точнее квалифицировать в качестве ценности не любой семейный союз, а лишь тот, что основан на материнстве, отцовстве, детстве, близком родстве и объединен взаимной поддержкой и уважением. Конечно, семья может базироваться и на «одиноким материнстве» или «одиноким отцовстве»²⁶, состоять из бабушки и внука и т.д., однако ведь речь идет не о том, что означенные вариации (возникшие, например, вследствие расторжения брака, внебрачного родительства, применения репродуктивных технологий, лишения родительских прав и т.п.) не нуждаются в государственном признании и помощи, а об идеальной семейной композиции, которая и объявляется, как приоритетная, традиционной семейной ценностью (с приложением эпитета «крепкая» — как в упомянутом ранее Указе Президента РФ).

Следует также заметить, что «гендерные игры» вокруг проблемы правовых последствий смены пола в законном супружестве явно должны завершиться принятием нормативно-правового решения: либо автоматическое прекращение брака, либо признание его недействительным на будущее время (то есть без реституционной реакции); предположения о допущении сохранения семейного союза в духе «партнерства» уже неприемлемы²⁷, конституционно-правовой смысл семьи такого «авангардизма» не содержит.

²² См.: Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 27–41.

²³ В порядке уточнения: указанный автор (А. А. Дорская) в подобном направлении не мыслит. Это объективно следует из конвенционного материала.

²⁴ См.: Якушев П. А. Указ. соч. С. 38.

²⁵ Мы разделяем непопулярный в доктрине взгляд на семью и как на субъект права. Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 4. С. 30.

²⁶ Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.

²⁷ Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 136.

По-прежнему не вполне ясна квалификация фактического брака как разновидности семейного союза. С одной стороны, таковым его признают даже некоторые категорические противники защиты имущественных интересов сторон данного отношения²⁸. С другой — никакие доводы о справедливом правовом режиме, хотя бы для особой разновидности фактического супружества (семейном союзе мужчины и женщины с общими детьми), не находят поддержки ни законодателей, ни представителей доктрины (за редким исключением)²⁹. Между тем, в связи с сохранением «налета патриархатности» в пространстве семьи, основанной на браке или «квазибраке» (фактическом союзе), женщина, как правило, остается слабой стороной, которая (во втором случае) к зарегистрированному супружеству стремится, но далеко не всегда достигает взаимопонимания с партнером. Отдавая отчет в том, что в обозримом будущем прорыв в деле справедливой защиты интересов членов такого семейного союза вряд ли будет осуществлен, в науке семейного права предложен компромиссный вариант — о закреплении возможности признания факта его существования в ситуации смерти фактического супруга (на определенных условиях, наиболее существенным из которых было бы несостояние умершего в зарегистрированном браке) — с установлением определенных правовых последствий³⁰. Как известно, в настоящее время в судебном порядке могут быть защищены интересы «пережившего фактического супруга», если последний находился на иждивении умершего. Полагаем, однако, что ни первой, ни второй (тем более) возможностью не охватывается круг отношений и соответствующих интересов, настоятельно требующих семейно-правовой реакции. Во-первых, к таковым, как мы уже отметили, должен относиться длительный, устойчивый союз с общими детьми (даже

и при наличии нерасторгнутого официального брака — при условии фактического его прекращения³¹). Во-вторых, — долговременное совместное проживание (с ведением общего хозяйства; с оценкой домашнего труда) и без общих детей (например, в течение 10 и более лет — срок можно передать и на усмотрение суда). Ограничение признания обсуждаемого факта только разлучением вследствие смерти должно быть лишь первым шагом на долгом пути к возвращению идеи, пусть и в обновленном прочтении (по сравнению с нормативистикой 1926–1944 гг.), справедливой защиты значимых семейных интересов. При этом если обществу большинству претит проект о приравнивании по правовым последствиям «вольного супружества» к супружеству зарегистрированному, можно обойтись и более аккуратными (более тонкими для восприятия) решениями, в которых главной задачей была бы прописана означенная нами возможность справедливой защиты жизненно важных интересов сторон, а также и их общих детей.

Поскольку, как мы видим, представление о семье не обладает исчерпывающей определенностью, мы неоднократно настаивали на ее дефинировании в семейном законе. Однако подобное предложение вызывает агрессивное несогласие в классической цивилистической доктрине — в противовес формирующейся тенденции на принятие подобной нормативно-правовой задачи в теории семейного права³² и экспертно-проектной деятельности. Следует заметить, что аналогичное отрицание наблюдалось в цивилистике и по поводу законодательного определения брака, которое в настоящее время преодолевается на основе конституционно-правовой поправки. Относительно конструкции семьи таковой не последовало (да и не должно было последовать — по смыслу стоявших перед законодателями и эксперта-

²⁸ См., например: Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120.

²⁹ См., например: законопроект сенатора А. Белякова (см.: Замахина Т. Сенатор предложил уравнивать сожителство с официальным браком // URL: <https://rg.ru/2018/01/22/senator-predlozhit-uravniat-sozhitelstvo-s-oficialnym-brakom.html> (дата обращения: 03.12.2022)). См. также: Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности... С. 137–138.

³⁰ См.: Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8. С. 123–124.

³¹ И в этом нет ничего «крамольного» — сначала судебной практикой, а затем и семейным законом (ч. 4 ст. 38 СК РФ) данному обстоятельству (фактическому прекращению брачного союза) давно придано юридическое значение (и именно в сфере имущественных правоотношений супругов).

³² См., например: Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция. С. 21–33.

ми задач), значит, судьба дефиниции остается непростой. Так, в одной из проектных версий семья определялась с помощью ориентиров на перечень ее членов, указание на взаимную поддержку, а также своеобразную идеологическую ориентированность — основанность на разделяемых ее субъектами семейных ценностях³³. Между тем без такого признака, как совместное проживание и ведение общего хозяйства (общей экономики), конструкции семьи нет — есть лишь «расплывчатая ячейка единомышленников», пусть и включенных в некий список лиц, объединенных различными семейными связями. При этом временное отсутствие члена семьи на ее «территории» может быть оговорено с помощью уважительных причин. Данный признак присутствует в соответствующих дефинициях в кодексах ряда стран ближнего зарубежья (например, Республики Беларусь), на что мы неоднократно обращали внимание в своих работах. Впрочем, с удовлетворением констатируем случаи доктринальной поддержки обсуждаемой характеристики³⁴.

Кроме дефинирования понятия «семья», весьма полезным в СК РФ были бы нормативные тексты о ее видах (полная, неполная, многодетная; основанная на различных типах семейной связи — родная, приемная и др.), категориях членства, субъектности³⁵. А это уже претендует на раздел в кодексе (как это сделано в Республике Беларусь — партнере по Союзному государству), а не на фрагментарное упоминание в его общей части. Такая тенденция вполне соответствовала бы конституционно-правовому вектору защиты института семьи: всегда лучше знать существо, в том числе правовое, архизначимого явления, нежели только строить о нем предположения (да еще и с помощью несовпадающих по содержанию версий,

приноровленных к специфическим потребностям той или иной отрасли законодательства).

Нуждается в обогащении смыслами конструкция семейного воспитания — ввиду необходимости придать ему определенное качество и целеполагание. Они выводятся как из конституционной поправки п. 4 ст. 67.1 (государство должно обеспечивать условия, а родители и лица, их заменяющие, их реализовывать с целью духовного, нравственного, физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим), так и во многом совпадающей с ней нормы ч. 1 ст. 63 СК РФ. При этом, наряду с уточнением позитивного содержания конструкции воспитания, неумолимо актуализируются и вопросы, связанные, например, с проявлением сомнительной гражданской активности родителей, сопряженной со злоупотреблением родительскими правами (ярким примером подобного рода было дело о лишении родительских прав граждан, которые явились на несанкционированный митинг с ребенком³⁶) и т.п. Не решена проблема однополого родительства, возникающего вследствие смены пола мамы или папы (в настоящее время она преодолевается только на правоприменительном уровне — при условии доказанности нанесения поведением мамы-2 или папы-2 явного психологического вреда ребенку³⁷). И о воспитании патриотизма (на основе создания соответствующих предпосылок со стороны государства): немалое число родителей в публичном пространстве (как правило, в сетях или электронных СМИ) позиционируют себя противниками политического режима (а то и российской государственности и истории в целом, даже русофобии, в том числе в широком, наднациональном, контексте), особенно в моменте. Приведенные иллюстрации

³³ Законопроект сенатора Е. Б. Мизулиной [и др.] // URL: <http://council.gov.ru/events/news/118102/> (дата обращения: 03.12.2022).

³⁴ См.: Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75. № 11. С. 106–108.

³⁵ Как верно замечено, нормативные опыты с правосубъектностью семьи проводятся достаточно давно — и на региональном уровне, и у белорусских «соседей». Подробно об этом см.: Рабец А. М. Указ. соч. С. 108–110.

³⁶ Данная исключительная мера к ним применена не была, однако родители обжаловали даже вынесенное судом предупреждение. Подробнее см., например: Матвеева Н. А., Воеводина А. И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7–10.

³⁷ Историю одного из таких дел см., например: Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. С. 56–57.

далеко не исчерпывают всего новейшего спектра реализации воспитательного воздействия на ребенка, в том числе недоброкачественного.

Среди заявленных в доктрине традиционных семейных ценностей позиция ребенка обозначена скорее в пассивном смысле, в то время как СК РФ, в отличие от прежнего законодательства, справедливо и обоснованно объявляет его не только объектом воспитательного воздействия, но и вполне пассионарным субъектом — с правом знать о своем происхождении, на общение с близкими людьми, на выражение и учет мнения (включая конструкцию согласия на совершение ряда семейно-правовых актов), административную и судебную защиту (с 14 лет — и в самостоятельном режиме) и т.п., а конституционно-правовое содержание его статуса включает право на уважение достоинства и личной жизни, участие в объединениях, публичных мероприятиях, свободу слова и мнения и др. Если же опираться на высказанные в доктрине соображения о том, что несовершеннолетние являются «бенефициарами всех прав человека»³⁸ (это формально-юридически следует из постулата ч. 2 ст. 17 Конституции РФ о возникновении прав и свобод с рождения), то пространство их возможностей расширяется до объема главы второй Основного закона, за очевидными исключениями о родительстве и браке (да и то не всегда — ввиду допускаемого семейным законом несовершеннолетнего супружества, материнства и отцовства), об избирательном праве, о доступе к госслужбе, об обязанности защищать Отечество. Но очевидно также и то, что, в зависимости от возраста, реализация данных возможностей обогащается³⁹. Кроме того, имеются и специфические ограничения прав и свобод ребенка (а значит, и специальное толкование норм ст. 55 Конституции РФ), также обусловленные его возрастом (недееспособностью или частичной дееспособностью в той

или иной сфере) и означенными ранее целями семейного воспитания и государственного образования.

Относительно новым элементом правового статуса ребенка является право на доступ к информации, усиленное (как в положительном, так и отрицательном смысле) цифровыми технологиями и тем содержанием, которые они ему доставляют. В этом информационном пространстве явным образом присутствуют заслоны (и даже более серьезные «оборонительные сооружения») от воспитательного воздействия родителей и других попечителей, что в последние годы, возможно со значительным опозданием, вынудило законодателя выстраивать защитные механизмы, данные заслоны прорывающие⁴⁰ (Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Федеральный закон от 26.03.2022 № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁴¹ — по вопросам пропаганды ЛГБТ+ и смены пола).

Статусная «пассионарность» ребенка предполагает и системное подключение его к конструкции обязанности, на что мы неоднократно указывали в своих трудах⁴². Это выводится и из конституционной поправки ч. 4 ст. 67.1 — из ожидания в качестве одного из результатов воспитательного воздействия родителей (и других лиц) на детей уважения к старшим, а значит, и сформированной этим воздействием обязанности таковое уважение детьми проявлять. Кроме того, элементы должностования фиксированы и в отраслевом законодательстве, особенно явственным образом — об образовании: в соответствии с предписаниями ст. 43 Федерального закона от 26.03.2022 № 70-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴³ обучающиеся обязаны выполнять все требования учебного плана, устава образовательной организации

³⁸ Подробнее об этом см.: Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 155–156.

³⁹ См.: Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10. С. 18–28.

⁴⁰ Подробнее об этом см., например: Конева Е. В., Симонова С. В. Правовые и психологические основания определения информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей // Вестник ЯГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 16. № 3. С. 438–444.

⁴¹ СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 1959.

⁴² См., например: Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры. С. 25–27.

⁴³ СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

(их касающиеся), уважать преподавателей, других работников, своих соучеников, соблюдать учебную дисциплину; за невыполнение обязанностей они (за исключением ряда возрастных категорий) подлежат дисциплинарной ответственности. Обязанности, по крайней мере с 14-летнего возраста, предусмотрены в сфере цивилистики (например, по возмещению ущерба и т.п.), в рамках трудовых правоотношений (ученический договор предполагает отнюдь не только права), в области уголовного преследования (по специальным уголовно-правовым составам), процессуального законодательства (участие в деле означает и подчинение требованиям суда, соблюдение процессуальной дисциплины) и т.д.

На доктринальном уровне о том, что дети, коль скоро они подлежат законному воспитательному воздействию, неизбежно являются и носителями соответствующих обязанностей, писали еще в 60-е гг. прошлого столетия — на активном фоне отрицания данного факта⁴⁴. При этом контраргументация по вопросу сводится не только к заявлениям о недееспособности ребенка (они неточны уже в силу наличия у него элементов таковой даже в малом возрасте, когда, например, ребенок опрашивается представителем органа опеки и попечительства в рамках спора о детях, тем более — с 10 лет, поскольку он наделяется правомочием по выявлению своей позиции на усыновление/удочерение и другие акты, не говоря уже о ранее обозначенной дисциплинарной ответственности; и т.д.), но и к юридической несостоятельности конструкции обязанности именно в семейно-правовой сфере.

Действительно, с одной стороны, она, скорее всего, должна выглядеть декларативной (уважать родителей, помогать им в общесемейных делах и пр.), санкционно не обеспеченной⁴⁵, в

отличие от прежних времен, когда закон, через действие института родительской власти, был к детям весьма тверд и суров. Однако, с другой стороны, как мы неоднократно уже отмечали в работах по данной проблематике, во-первых, декларативно-нравственные конструкты для семейного права вполне характерны и нередко предполагают конкретные правовые последствия этической ущербности, девиантности поведения субъектов (отказ в алиментировании, проигрыш в процессе об определении места проживания ребенка, лишение родительских прав, неудовлетворительное решение об установлении усыновления/удочерения или отмена такового и т.д.). Во-вторых, различные конструкции «детских обязанностей» вполне прижились в зарубежном законодательстве — притом еще в ту «прекрасную пору», когда отношения родителей и детей основывались на классических образцах (например, в Болгарии, Германии, Финляндии, Чехии и др.), а также наличествуют и в ряде восточных стран (например, в КНР)⁴⁶. Таким образом, совершенно очевидно, что провозглашение идеи о духовно-нравственном воспитании детей на основе традиционных ценностей российского общества с необходимостью должно сопровождаться трансформацией конструкции правосубъектности ребенка от «закосневших» представлений о его недееспособности до 14-летнего возраста к доктринальному и нормативному ее наполнению по существенно расширенной возрастной градации, а также процессом систематизации общеправового статуса детей, включающего как правовые возможности, так и юридические должностования⁴⁷.

Объявление в доктрине традиционной семейной ценностью идеи о равенстве супругов не отвечает требованию полноты означенного принципа. Разумеется, если только он не выво-

⁴⁴ Подробнее см.: *Тарусина Н. Н.* О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 2. С. 225–226.

⁴⁵ К нашему удовлетворению, в последнее время вопрос о внедрении в семейный закон конструкции обязанности несовершеннолетних // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74354-voprosu-obyazannostyakh-nesovershennoletnikh?ysclid=lb69eah0xn371323621> (дата обращения: 02.12.2022)). В частности, подчеркивается, что юридическое закрепление обязанности детей уважать своих родителей поможет преодолеть явный перекося в сознании ребенка о безусловной доминанте его прав в семье.

⁴⁶ Подробнее см., например: *Матвеева Н. А.* Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28; *Тарусина Н. Н., Сочнева О. И.* Указ. соч. С. 9–11.

⁴⁷ На это совершенно справедливо указывают Е. Г. Комиссарова и Т. В. Краснова. См.: *Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В.* Указ. соч. С. 155–156.

дится из предположения об отсутствии равенства между родителями, навеянного остро дискуссионными заявлениями о необходимости преодоления «поражения в правах» отцов, жесткой критикой так называемой правоприменительной презумпции преимущественного права матери на оставление у нее малолетнего ребенка⁴⁸. На основе равенства выстраиваются и семейные правоотношения между другими «соучаствующими» воспитателями — опекунами, приемными родителями, усыновителями/удочерителями (в случае, если не задействована конструкция тайны усыновления/удочерения, ибо, как известно, в ином варианте последние приобретают статус родителей). При этом, разумеется, равенство положений не распространяется на детей, несмотря на заявленную нами их «пассионарность»: юридическая и фактическая сущность воспитательного воздействия предполагает подчинение (как и сущность института законного представительства), хотя и схваченное рамками конституционно-правовых требований о целеполагании родительства и иного попечения над детьми.

Конституционный ценностный контекст предполагает также организацию эффективной охраны и защиты институтов родительства, детства и семьи в целом. Так, считаем практически значимым включение в общие начала семейного законодательства принципа добросовестности родителей⁴⁹. С одной стороны, он опосредованно заложен в нормах «особенной части», с другой — его прямое закрепление означает сигнал правоприменительной практике юридически и фактически аккуратнее принимать решение об изъятии ребенка из родной семьи (а доктрине — явный намек на то, что «золотой» период идеи ювенальной юстиции, многие годы воспроизводимой по европейским образцам, в том числе скандинавским, завершается и должен быть заменен систем-

ным подходом, ориентированным на охрану семьи).

Актуальной остается проблема оснований возникновения родительства. Среди них — и правовое регулирование отношений в сфере вспомогательной репродукции, и реализация соответствующих программ. Например, до сих пор не решена проблема противостояния интересов в ситуации прекращения соглашения о хранении генетического материала по инициативе одной из сторон (как правило, мужчины), лишаящей вторую сторону (как правило, женщину) возможности генетического материнства при появившемся бесплодии (вследствие медицинской операции): известное дело Эванс не получило надлежащей реакции российского законодателя. Между тем очевидно, что при «взвешивании» интересов «не стать принудительным отцом» и «стать матерью» последний должен быть приоритетным — с соблюдением значимого условия об отсутствии правовых последствий в виде юридического отцовства⁵⁰. Последнее обстоятельство вполне способно сбалансировать данную коллизионную ситуацию.

С одной стороны, уже набилась оскомину дискуссия вокруг технологии охраны преимущественного права суррогатной матери на рожденного ею ребенка — через отказ дать согласие на запись о генетическом родительстве (ч. 4 ст. 51 СК РФ). С другой стороны, проблема вокруг нее породила несколько актов высших судов, в которых, во-первых, содержится правовая позиция, противоречащая императивному смыслу означенной нормы (в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁵¹), во-вторых, проявилась коллизия в оценке ситуации между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, восприятие которой было усилено особым мнением судьи Конституционного Суда РФ⁵² о поощрении незаконной судебной

⁴⁸ Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление. С. 80–81.

Мы настаиваем на разумности данной фактической презумпции ввиду тонкой и неразрывной связи ребенка (начиная со стадии nasciturus) именно с матерью.

⁴⁹ Законопроект сенатора Е. Б. Мизулиной и др.

⁵⁰ См.: Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica (Русский закон). 2020. № 8. С. 30; Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5. С. 55.

⁵¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

практики вместо решения вопроса на законодательном уровне⁵³.

Не менее яркую демонстрацию нарушения закона наблюдаем в вопросе «одинокое суррогатное отцовство»: в противоход целеполаганию института суррогатного материнства о преодолении данной технологией бесплодия «одиноким мужчинам» заключают договоры с медицинской организацией и женщиной, готовой поправить свое материальное положение благодаря вынашиванию и рождению ребенка для «заказчика». Далее неизбежно следует обращение с заявлением о регистрации родительства и неизбежный отказ органов ЗАГС, что столь же неизбежно понуждает генетического отца к своеобразному «шантажу» суда — обращению с заявлением об обжаловании отказа в совершении записи⁵⁴. Суды оказываются перед очевидным выбором: либо подтвердить «сиротство» ребенка, либо, руководствуясь его наилучшими интересами, легитимировать незаконное отцовство. Следует заметить, что о подобной практике известно Конституционному Суду РФ — об этом мы извещены весьма опосредованным образом: рассматривая конституционность отказа в материнском (семейном) капитале «суррогатному отцу», Суд, удовлетворяя жалобу на основании конституционно-правового принципа всемерной защиты семьи (заявитель вступил в брак), одновременно подчеркнул, что оценка подобной ситуации должна осуществляться в системном истолковании российского законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях, однако это выходит за пределы жалобы⁵⁵.

Разумеется, все перечисленные проблемы (а также и многие иные) вокруг суррогатного материнства могут быть разрешены кардинальным способом — запретом программы, являющейся, по сути, узаконенной торговлей детьми как таковой, однако вопрос так пока не стоит: самое большое, на что рискует пойти законодатель, — исключить из числа ее участников иностранных граждан и жестко подтвердить запрет участия в программе неженатого мужчины.

Полагаем также неприемлемой возможность сохранения права матери внебрачного ребенка не осуществлять фиктивную запись о его отцовстве (в случае несработки юридического механизма отыскания), так как данная технология как раз и призвана минимизировать, пусть и в малой степени, психолого-травматические последствия для такого ребенка⁵⁶. Диспозитивность, даруемая в этом вопросе матери, неуместна. Как, кстати, неуместна и сохраняющаяся избыточность свободы родителей при реализации права на имя: изменения в СК РФ и Федеральном законе от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁵⁷, хотя и ограничили объем их эксперимента (ч. 2 ст. 58 СК РФ), отнюдь не исключили фантазий в деле конструирования имени ребенка.

Держится на плаву актуальности и вопрос о расширении технологии медиации как вспомогательного инструмента для разрешения семейно-правовых споров личного характера. Не будучи сторонником ее автономной коммерческой версии (реципированной нами из западного права⁵⁸), всё же заметим, что в отсутствие

⁵² См.: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта четыре статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”» (с приложением к нему особых мнений судей Г. А. Гаджиева и С. Д. Князева) // СПС «КонсультантПлюс». См. также особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова в связи с принятием Конституционным Судом РФ определения от 27.09.2018 № 2318-О // СПС «КонсультантПлюс». Выражаем ему искреннюю признательность за яркую и убедительную позицию.

⁵³ Подробно см.: *Тарусина Н. Н.* «Суррогатное отцовство» как вольный или невольный шантаж судебной системы // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 16. № 4. С. 652–656.

⁵⁴ См., например: *Ильина О. Ю.* Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 3. С. 38–45.

⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «О проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ См.: *Тарусина Н. Н.* Одинокое материнство как социально-правовое явление. С. 76.

⁵⁷ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

специализированных семейных судов (при которых и могла бы функционировать служба примирения или урегулирования разногласий сторон спора, а не фигура примирителя в лице судьи в отставке) или хотя бы реальной специализации судов общей юрисдикции разумный медиативный инструментарий — всё же лучше, чем ничего.

Однако стратегический подход к проблеме оптимизации защиты прав и интересов субъектов правоотношений с семейным элементом (то есть не только семейных, но и тех, которые содержательно с ними стыкуются, — по реализации заботы об образовании и о здоровье детей, об их гражданской активности, включая участие в массовых акциях, и т.п.) всё же не должен игнорировать идею об организации специализированных судов. Контраргумент о финансовых затратах, конечно, важен, но ему могут противостоять расчеты о повышении эффективности такого судопроизводства — на основе профессионального преодоления конфликтности, сокращения сроков разрешения дел. Контраргумент о нецелесообразности углубления специализации, поскольку это может открыть «ящик Пандоры», также не бесспорен: справедливое разбирательство семейных дел, в которых, как правило, прямо или косвенно затрагиваются интересы ребенка, требует и особой процедуры, и систематического (а не разового — по типу дачи экспертного заключения) участия специалистов, прежде всего — психологов, и дополнительной подготовки судей (а также и требований к ним⁵⁸). Профессионализм в сфере классической цивилистики строится на несколько иных основаниях и не вопиет столь очевидно о глубокой специализации и значительных отступлениях от общих канонов процедуры. Недаром еще А. Л. Боровиковский писал о «бездне различий» между тяжбами из правоотношений гражданского оборота и тяжбами семейственными и процессуальными особенностями их разрешения («казенная печать» и «бумажное производство» не

восстановят семейный мир — нужна «широкая инициатива судей» по типу не столько юридического, сколько педагогического умения, нужен особый «трибунал», сугубо отличный от обычных судебных установлений)⁶⁰. При этом полагаем, что рассматриваемая идея гармонично ложится в русло актуализированной политической и конституционно-правовой ориентации российской государственности. Но ее активное обсуждение, даже при благоприятном доктринальном и законопроектном к ней отношении, видимо, следует отложить до более спокойных времен. Лишь бы идея не «почила в бозе».

Аналогичное предположение может распространяться и на другие идеи о совершенствовании семейного⁶¹ и смежного с ним законодательства, хотя и в меньшей степени, поскольку они не столь фундаментальны и не требуют значительных финансовых и организационных затрат, кроме, пожалуй, идеи об алиментном фонде. Последняя вызревает давно (тем более, что опыт работы такового фонда в стране имеется), однако, возможно, на данном этапе более эффективным окажется настрой на систематизацию и увеличение государственных социальных пособий нуждающимся семьям с детьми (что уже и происходит). Такое, пусть и временное, замещение вполне укладывается в общую идеологию поддержки нуждающихся граждан, ибо алименты являются частью солидарного служения государства и общества (а также его членов).

Продолжает совершенствоваться правовое регулирование отношений собственности в браке. Однако оно не затрагивает конструкции брачного договора (кроме соображений об изменении подхода к аспектам его кабалности, впрочем, пока не реализованных в соответствующую новеллу). Между тем, как мы неоднократно отмечали в своих работах, версия 1994 г., закрепившая, по сути, почти ничем не ограниченную его свободу и отразившая в своем содержании идеологические и экономические взгляды того времени, не отвечает

⁵⁸ Подробнее о вариантах медиации на зарубежных территориях см., например: Трофимец И. А. К вопросу о принципах международной семейной медиации // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10. С. 33–40.

⁵⁹ Судья, не состоящий (не состоявший) в браке или, по крайней мере, не имеющий детей, по нашему разумению, не обладает необходимым жизненным опытом в обсуждаемой сфере, его «настройки» в этой тонкой сфере бытия — умозрительны, абстрактны.

⁶⁰ См.: Боровиковский А. Отчет судьи. Том второй. СПб., 1892. С. 212, 257, 271–273.

⁶¹ См.: Ксенофонтова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // *Lex russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 11. С. 125–132.

современным конституционно-правовым смыслам. Впрочем, она не соответствует и началам семейного законодательства, которые были сформулированы годом позже, — идее взаимопомощи и ответственности перед семьей, заботы о благосостоянии детей (ч. 1, 2 ст. 2 СК РФ): допущение применения противоположных режимов построения отношений собственности в браке (договорного и законного) не только не гарантирует, но даже может исключать охрану и защиту и интересов семьи, и интересов слабой стороны брака, а также интересов детей, в этом браке рожденных, в то время как технология законного режима это обеспечивает, пусть и не идеальным образом. При этом вынуждены констатировать, что подобные критические сентенции не слышат не только законодатели, но и представители доктрины. Последние, как правило, верно подмечают отдельные перекосы в сторону гражданско-правовой методологии регулирования брачно-договорных отношений⁶², однако всё же не выводят проблему в пространство принципиальных решений.

Конституционное положение об охране личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23) также нуждается в дополнительном доктринальном осмыслении и семейно-правовой конкретизации. Так, в последние годы актуализировалась дискуссия о либерализации правового режима тайны усыновления/удочерения⁶³, в котором следует интегрировать конвенционное право ребенка знать о своем происхождении (в качестве не абстрактной данности, а конкретизированной реальности), интересы усыновителей/удочерителей в психологической и юридической устойчивости семейного союза с «генетически чуждым» ребенком и, в существенно менее значимой степени, интересы биологических родителей (если они по уважительным причинам осуществляют поиск информации о ребенке). Необходимость взвешивания означенных интересов может объясняться как частными причинами (получение ответа на вопрос о возможных унаследованных серьезных заболеваниях

или предрасположенности к ним), так и общей задачей реализации права ребенка на информацию о своем происхождении. При этом избыточность обращения в этом вопросе к европейскому опыту должна себя изживать, так как ценностные семейные ориентиры в «странах с продвинутой демократией»⁶⁴ выходят далеко за пределы российских конституционно-правовых предпосылок. Аналогичную осторожность необходимо соблюдать и при конструировании режима репродуктивной тайны. Как известно, во многих западных странах доступ детей к информации о происхождении с применением вспомогательных репродуктивных технологий существенно расширен. Соответственно, опираясь на их практику, в доктрине сформировалась позиция о предоставлении обсуждаемых сведений с 18-летнего возраста — на основе модели «политики двойного пути» (права донора и реципиента выбирать анонимную или неанонимную программу, в том числе и в сфере суррогатного материнства)⁶⁵. Возможно, однако полагаем, что на этом и следует «притормозить».

Что касается права на неприкосновенность частной жизни, то, кроме «взрослых проблем», которые, в силу дееспособности, могут превентивно и ретроспективно разрешаться самими совершеннолетними гражданами (а при наличии оснований — с административной или судебной поддержкой), возникают и «детские». Так, родители нередко это конституционное требование игнорируют, сообщая в сетях или другими способами информацию, которая может нанести ребенку вред. Соучаствовать в «расшифровке» личной жизни ребенка могут и другие представители «взрослого мира». На наш взгляд, над этой проблемой начинают задумываться и законодатели, и носители соответствующей обязанности по долгу профессии.

Тесно связан с рассматриваемой проблематикой принцип автономии семьи, защиты ее суверенности от произвольного вмешательства, обеспечения возможности саморегулирования.

⁶² См., например: Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // *Lex russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5. С. 63–73.

⁶³ См., например: Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3. С. 19–33.

⁶⁴ Терминологический конструкт, использованный в указ. соч. Е. Г. Комиссаровой (С. 26).

⁶⁵ См.: Кириченко К. А. Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права // *Семейное и жилищное право*. 2015. № 4. С. 12.

Однако, как верно отмечается в науке семейного права⁶⁶, в этом деле следует соблюдать гармонию между самостоятельностью семейного союза (в том числе основанном на небезопасной концепции исключительной личной автономии) и публичным контролем (профилактикой девиантного развития семьи и реагированием на разрушающие ее факторы и действия): от поиска компромиссных способов смягчения коллизии между правом ребенка родиться и правом женщины на самостоятельное репродуктивное решение, поощрения материнства и приоритетных форм семейного союза — до нахождения справедливых и эффективных средств его охраны и защиты.

Возвращаясь к идее деления традиционных ценностей на «ядерные» и «второстепенные» («периферийные»), считаем необходимым высказать два соображения. Во-первых, терминологически корректнее использовать другие эпитеты — локальные, национально-культурные, ценности отдельных социальных групп и др. Во-вторых, весьма неоднозначным является утверждение о том, что «периферийные» образцы могут, в отличие от «основных», закрепленных в законе и обеспечиваемых правоприменением, находиться в «серой зоне» — как в нейтральном статусе, так и в девиантном (противоречащем закону). К числу первых предлагается отнести, например, многоженство — не разрешенное, но и не преследуемое законом (в частности, уголовным), а вторых — обычай кровной мести⁶⁷. Хотя контекст авторов не основан исключительно на анализе противоположений (в нем активно присутствуют этико-философские конструкты), отнесение к признаваемым ценностям, по сути, всех обычаев (по крайней мере, такой жесткий вывод не исключается после продемонстрированных иллюстраций), не только не соответствующих началам российского законодательства, но и им преследуемых, является, по меньшей мере, спорным. При этом многоженство вряд ли находится в нейтральном спектре, так как со-

ставляет одно из оснований признания брака недействительным (ст. 14, ч. 1 ст. 27 СК РФ) и не имеет тотального одобрения⁶⁸. Это касается и второго примера, причем в несоизмеримо большей степени. Тезис об объединении российской государственности памятью предков, передавших современным россиянам идеалы и веру (ст. 67.1 Конституции РФ), вряд ли выкристаллизовывался с учетом означенных и им подобных обыкновений. На это указывает и использование в качестве ключевого термина «идеалы». Кстати, смысл и классификация строится авторами на тезисе о том, что традиционные российские духовно-нравственные ценности рассматриваются ими как «исключительно правовая категория» («сращивание морали и закона имеет негативные последствия, поскольку повышает неопределенность последнего»)⁶⁹. Между тем, во-первых, это коллидирует с упомянутым отнесением к ценностям обычаев из «серой зоны». Во-вторых, неопределенность права, особенно в сфере семьи, труда и уголовного преследования, является одним из благих его свойств, так как позволяет правоприменителю (прежде всего суду) конкретизировать правовую норму к многообразию ситуаций⁷⁰ и характеристик (весьма значимых для разрешения дела) их субъектов — в рамках мотивированного усмотрения. В-третьих, для ряда правовых пространств единение формально-юридического и этического начал неразрывно. Именно к таковому, как известно, относится пространство семейно-правовое. Конституционно-правовой контекст рассматриваемых конструкций также далеко не всегда допускает отдельный смысл и бытие означенных принципиальных положений (ч. 4 ст. 67.1, п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ).

Подводя черту под размышлениями на заданную тему, на нериторический вопрос одного из известных сторонников усиления «цивилистичности» правового регулирования семейных отношений «Нужен ли России новый Семейный кодекс?»⁷¹ отвечаем: нужен, ибо имеющиеся

⁶⁶ См., например: Рабец А. М. Указ. соч. С. 102–103.

⁶⁷ См.: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Указ. соч. С. 148.

⁶⁸ См., например: Загирова Э. М. Общественное мнение об институте многоженства (на примере Дагестана) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 203.

⁶⁹ См.: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Указ. соч. С. 149.

⁷⁰ См., например: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 73 ; Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5–7 ; Тарусина Н. Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник ЯрГУ. 2017. № 1 (39). С. 50–53.

пробелы и ошибки, а также нарастающая фрагментарность семейного закона требуют уже не «приглаживания шероховатостей», а «хирургической» операции. Конституционные поправки и президентские правовоположения об охране и о защите традиционных семейных ценностей безусловным и неотвратимым образом данный вектор усиливают.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. — М., 1982. — 359 с.
2. Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica (Русский закон). — 2020. — № 8. — С. 21–31.
3. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 5. — С. 4–6.
4. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 20–34.
5. Боровиковский А. Отчет судьи. Том второй. — СПб., 1892. — 348 с.
6. Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. — 2007. — № 6. — С. 5–7.
7. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 10 (191). — С. 138–150.
8. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2019. — № 3. — С. 27–41.
9. Загирова Э. М. Общественное мнение об институте многоженства (на примере Дагестана) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2021. — № 2. — С. 201–206.
10. Ильина О. Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». — 2014. — № 3. — С. 38–45.
11. Кириченко К. А. Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права // Семейное и жилищное право. — 2015. — № 4. — С. 10–13.
12. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 7–18.
13. Князев С. Д. Не переступить тонкую грань, которая отделяет толкование закона от его пополнения // Закон. — 2017. — № 10. — С. 6–19.
14. Ковлер А. И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. — 2016. — № 2. — С. 81–88.
15. Ковлер А. И. Слухи об остром конфликте ЕСПЧ и КС РФ, мягко говоря, преувеличены // Закон. — 2012. — № 2. — С. 8–13.
16. Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // Lex russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 19–33.
17. Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Т. 7. — № 4 (28). — С. 152–166.
18. Конева Е. В., Симонова С. В. Правовые и психологические основания определения информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». — 2022. — Т. 16. — № 3. — С. 436–445.
19. Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. — 1999. — № 3. — С. 105–120.
20. Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 1. — С. 3–6.

⁷¹ Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–6.

21. Ксенофонтова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // *Lex russica* (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 124–133.
22. Лазарев В. В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // *Юридическая наука: история и современность*. — 2021. — № 2. — С. 11–17.
23. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностные измерения. — М. : Инфра-М, 2009. — 384 с.
24. Лукьянова В. Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // *Журнал российского права*. — 2022. — Т. 26. — № 9. — С. 53–69.
25. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // *Семейное и жилищное право*. — 2020. — № 6. — С. 25–28.
26. Матвеева Н. А., Воеводина А. И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // *Семейное и жилищное право*. — 2020. — № 2. — С. 7–10.
27. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 8. — С. 119–129.
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1995. — 928 с.
29. Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 100–111.
30. Тарусина Н. Н. «Суррогатное отцовство» как вольный или невольный шантаж судебной системы // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2022. — Т. 16. — № 4. — С. 650–657.
31. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 17–32.
32. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 131–146.
33. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2021. — Т. 15. — № 1. — С. 64–75.
34. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // *Lex russica* (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 52–62.
35. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2021. — Т. 15. — № 2. — С. 220–231.
36. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // *Журнал российского права*. — 2022. — Т. 26. — № 7. — С. 68–84.
37. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2017. — № 1 (39). — С. 50–53.
38. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica* (Русский закон). — 2020. — Т. 73. — № 4. — С. 21–33.
39. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica* (Русский закон). — 2019. — № 5 (150). — С. 40–48.
40. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. — М. : Проспект, 2018. — 176 с.
41. Трофимец И. А. К вопросу о принципах международной семейной медиации // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 33–40.
42. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // *Журнал зарубежного и сравнительного правоведения*. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 6–12.
43. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // *Вестник Российской академии наук*. — 2020. — Т. 90. — № 5. — С. 403–414.
44. Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // *Lex russica* (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 63–73.
45. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 52 с.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Vol. 2. Moscow; 1982. (In Russ.).
2. Belova DA. Soglasie na primenenie metoda iskusstvennoy reprodukcii i ego pravovoe znachenie dlya ustanovleniya proiskhozhdeniya rebenka [Consent to the use of artificial reproduction and its legal significance for establishing the origin of the child]. *Lex russica*. 2020;8:21-31. (In Russ.).
3. Bepalov YuF. K voprosu o semeynykh tsennostyakh v Rossiyskoy Federatsii [On family values in the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2018;5:4-6. (In Russ.).
4. Bondar NS. «Vechnye» konstitutsionnye idealy: naskolko oni neizmenny v menyayushchemsya mire? [«Eternal» constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world?]. *Gosudarstvo i pravo*. 2020;6:20-34. (In Russ.).
5. Borovikovskiy A. Otchet sudji. Tom vtoroi [The judge's report. Vol. 2.]. St. Petersburg; 1892. (In Russ.).
6. Vlasenko NA, Nazarenko TN. Neopredelennost v prave: ponyatie i formy [Uncertainty in law: concept and forms]. *Gosudarstvo i pravo*. 2007;6:5-7. (In Russ.).
7. Galyashina EI, Bogatyrev KM. Ponyatie «traditsionnye rossiyskie dukhovno-nravstvennye tsennosti» v kontekste obespecheniya mediabezopasnosti v internet-srede [The concept of «traditional russian spiritual and moral values» in the context of ensuring media security on the Internet]. *Lex russica*. 2022;75(10):138-150. (In Russ.).
8. Dorskaya AA. Semeynye tsennosti kak predmet nauchnoy diskussii: osnovnye napravleniya izucheniya semeynogo prava v Rossii na sovremennom etape [Family values as a subject of scientific discussion: main directions of studying family law in Russia at the present stage]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series «Jurisprudence»*. 2019;3:27-41. (In Russ.).
9. Zagirova EM. Obshchestvennoe mnenie ob institute mnogozhenstva (na primere Dagestana) [Public opinion about the institute of polygamy (on the example of Dagestan)]. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2021;2:201-206. (In Russ.).
10. Ilyina OYu. Primenenie analogii zakona i analogii prava pri regulirovanii otnosheniy v sfere registratsii rozhdeniya detey [Application of analogy of the law and analogy of the right at regulation of the relations in the sphere of registration of the birth of children]. *Herald of Tvsu. The series «Law»*. 2014;3:38-45. (In Russ.).
11. Kirichenko KA. Pravo rebenka na informatsiyu o ego proiskhozhdenii: evolyutsiya mezhdunarodno-pravovykh standartov i perspektivy razvitiya rossiyskogo prava [Right of a child to information on the origin thereof: evolution of international-law standards and perspectives of development of Russian law]. *Family and Housing Law*. 2015;4:10-13. (In Russ.).
12. Kleandrov MI. O neizbezhnosti razrabotki i prinyatiya novoy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i chto v ney dolzhno byt [On the inevitability of the development and adoption of a new constitution of the Russian Federation and what should be in her]. *Gosudarstvo i pravo*. 2022;1:7-18. (In Russ.).
13. Knyazev SD. Ne perestupit tonkuyu gran, kotoraya otdelyaet tolkovanie zakona ot ego popolneniya [Not to cross the fine line that separates the interpretation of the law from its completion]. *Zakon*. 2017;10:6-19. (In Russ.).
14. Kovler AI. Gosudarstvennyy suverenitet i «suverenitet prav cheloveka» [State sovereignty and «Sovereignty of human rights»]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2016;2:81-88. (In Russ.).
15. Kovler AI. Slukhi ob ostrom konflikte ESPCh i KS RF, myagko govorya, preuvelicheny [Rumors of an acute conflict between the ECHR and the Constitutional Court of the Russian Federation, to put it mildly, are exaggerated]. *Zakon*. 2012;2:8-13. (In Russ.).
16. Komissarova EG. Tayna usynovleniya v semeynom prave postmoderna: novye podkhody k starym kanonam [The adoption secret in postmodern family law: new approaches to the old canons]. *Lex russica*. 2022;75(3):19-33. (In Russ.).
17. Komissarova EG, Krasnova TV. Lichnye prava detey v predmete konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [Personal rights of children in the subject of constitutional and legal regulation]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2021;7-4(28):152-166. (In Russ.).
18. Koneva EV, Simonova SV. Legal and psychological grounds for determining information as harmful to the health and development of children. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2022;16(3):436-445. (In Russ.).
19. Kosova OYu. «Fakticheskie brakii» i semeynoe pravo [«De facto marriages» and family law]. *Pravovedenie*. 1999;3:105-120. (In Russ.).

20. Krashennikov PV. Nuzhen li Rossii novyy Semeynyy kodeks? [Does Russia need a new Family Code?]. *Family and Housing Law*. 2017;1;3-6. (In Russ.).
21. Ksenofontova DS. Semeynoe pravo v usloviyakh formirovaniya novoy sotsialnoy realnosti: doktrinalnye nachala pravoprimeneniya [Family law in the context of a new social reality formation: doctrinal principles of law enforcement]. *Lex russica*. 2021;74(11):124-133. (In Russ.).
22. Lazarev VV. Tsennostno-ideologicheskyy podkhod k otsenke novell Konstitutsii RF [Value-ideological approach to the assessment of short stories of the constitution of the Russian Federation]. *Legal Science: History and Modernity*. 2021;2:11-17. (In Russ.).
23. Lukasheva EA. *Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnye izmereniya [A Man, law, civilizations: normative and value dimensions]*. Moscow: Infra-M Publ.; 2009. (In Russ.).
24. Lukyanova VYu. Novyy kontsept sorazmernosti universalnykh i natsionalnykh tsennostey v rossiyskom zakonodatelstve [A new concept of proportionality of universal and national values in Russian legislation]. *Journal of Russian Law*. 2022;26(9):53-69. (In Russ.).
25. Matveeva NA. Institut obyazannostey rebenka v zakonodatelstve zarubezhnykh stran [The institution of child's obligations in laws of foreign countries]. *Family and Housing Law*. 2020;6:25-28. (In Russ.).
26. Matveeva NA, Voevodina AI. Mozhno li uchastie v mitinge rassmatrivatsya kak osnovaniye lisheniya roditelskikh prav? [Can participation in a rally be viewed as a basis for deprivation of parental rights?]. *Family and Housing Law*. 2020;2:7-10. (In Russ.).
27. Mikhailova IA. Gendernoe neravenstvo v brachno-semeynoy sfere: formy proyavleniya i vozmozhnosti preodoleniya [Gender inequality in marriage and family sphere: forms of manifestation and options for coping with it]. *Lex russica*. 2022;75(8):119-129. (In Russ.).
28. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian Language]*. Moscow: Az Publ.; 1995. (In Russ.).
29. Rabets AM. Mesto semi v pravovom prostranstve: yuridicheskaya kharakteristika semi v Rossiyskoy Federatsii i v otdelnykh zarubezhnykh gosudarstvakh (normotvorcheskiy opyt i problemy) [The Place of Family in the Legal Space: Legal Characteristics of Family in the Russian Federation and in Some Foreign Countries. Rule-Making Experience and Problems]. *Lex Russica*. 2022;75(11):100-111. (In Russ.).
30. Tarusina NN. «Surrogatnoe ottsovstvo» kak volnyy ili nevolnyy shantazh sudebnoy sistemy [«Surrogate paternity» as voluntary or involuntary blackmail of the judicial system]. *Vestnik YarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2022;16(4):650-657. (In Russ.).
31. Tarusina NN. Vozrast kak yuridicheskiy fakt v sfere semi: soblazny i uslovnost tsifry [Age as a legal fact in the family sphere: temptations and conventionality of the number of years]. *Lex russica*. 2022;75(1):17-32. (In Russ.).
32. Tarusina NN. Gender v zakone i semeynye tsennosti: v poiskakh balansa [Gender in law and family values: in search of a balance]. *Lex russica*. 2022;75(1):131-146. (In Russ.).
33. Tarusina NN. Konstitutsionnoe pravosudie: o nekotorykh popravkakh v zakonodatelstvo [Constitutional justice: on some amendments to legislation]. *Vestnik YarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2021;15(1):64-75. (In Russ.).
34. Tarusina NN. Neskolko tezisov o «prave roditsya» [Some Statements Concerning the «Right to be Born»]. *Lex russica*. 2021;74(5):52-62. (In Russ.).
35. Tarusina NN. O nekotorykh neveroyatnykh priklucheniyyakh «neulovimoy» konstruksii obyazannosti [About some incredible adventures of the «elusive» duty construction]. *Vestnik YarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2021;15(2):220-231. (In Russ.).
36. Tarusina NN. Odinkoe materinstvo kak sotsialno-pravovoe yavlenie [Single motherhood as a social and legal phenomenon]. *Journal of Russian Law*. 2022;26(7):68-84. (In Russ.).
37. Tarusina NN. Semeynoe zakonodatelstvo: «50 ottenkov neopredelennosti» [Family legislation: «50 shades of uncertainty»]. *Vestnik YarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2017;1(39):50-53. (In Russ.).
38. Tarusina NN. Semya kak obshchepravovaya konstruktsiya [Family as a general legal structure]. *Lex russica*. 2020;73(4):21-33. (In Russ.).
39. Tarusina NN. Sudebnaya praktika po semeynym delam: problemy usmotreniya na grani pravotvorchestva [Court practice in family disputes: problems of discretion on the verge of lawmaking]. *Lex russica*. 2019;5(150):40-48. (In Russ.).
40. Tarusina NN, Sochneva OI. *Prava detey [Children's rights]*. Moscow: Prospect Publ.; 2018. (In Russ.).
41. Trofimets IA. K voprosu o printsipakh mezhdunarodnoy semeynoy mediatsii [Principles of international family mediation]. *Lex russica*. 2022;75(10):33-40. (In Russ.).

42. Khabrieva TYa. Konstitutsionnaya reforma v Rossii v koordinatakh universalnogo i natsionalnogo [Constitutional Reform in Russia in Universal and National Dimensions]. *Journal of Foreign and Comparative Jurisprudence*. 2021;17(1):6-12. (In Russ.).
43. Khabrieva TYa. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: v poiskakh natsionalnoy identichnosti [Constitutional Reform in Russia: in Search of National Identity]. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(5):403-414. (In Russ.).
44. Chashkova SYu. O tendentsiyakh razvitiya dogovornogo regulirovaniya imushchestvennykh otnosheniy suprugov s uchetom razvitiya zakonodatelstva i sudebnoy praktiki [Tendencies of the Contractual Regulation of Family Property Relations between Spouses with due regard to the Development of Legislation and Judicial Practice]. *Lex russica*. 2021;74(5):63-73. (In Russ.).
45. Yakushev PA. Traditsionnye tsennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semeynykh otnosheniy v Rossii i stranakh Evropy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries: Author's Summary]. 2021.